
О.А. Оберемко, А.Н. Пасько
(Краснодар)

КЛАССИФИКАЦИЯ КОНСТРУКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена процедуре построения классификации конструктов МЫ-ОНИ идентичности и осмыслению стратегий формирования групповых идентичностей. Вводятся основные понятия и приемы, которые были использованы при разработке классификации. На материале предлагаемого полисемантического кодификатора демонстрируются «интерпретативные» возможности предлагаемых категорий и их количественная наполняемость эмпирическими конструктами МЫ-ОНИ идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность, классификация, номинация, сема, социологическая сема, элементарное значение, полисемантический кодификатор, основания социальных общностей, стратегия конструирования идентичности

Занимаясь разработкой классификации конструктов групповой идентичности, мы основывались на следующем исходном положении: «социальная идентичность» рассматривается как мыслительная конструкция соотношения Я-образа, Я-позиции с группой или общностью (МЫ-идентичность) или противопоставления (ОНИ-идентичность) в пространстве социальных отношений. Следовательно, конструкты групповой идентичности воспринимаются как часть внутренней концепции мира человека, и примене-

Олег Алексеевич Оберемко – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: oober@rambler.ru.

Алеся Николаевна Пасько – аспирант Института социологии РАН. E-mail: alesyap@yandex.ru.

ние формализованных методов ограничивает привлечение понятий и суждений об идентичности из эмпирического опыта самих людей, но дают возможность верифицировать данные статистическими методами. Однако качественные или полуформализованные методы позволяют выявлять субъективный категориальный аппарат респондента, но не предлагают какой-либо логически стройной модели его интерпретации. Поэтому проблема адекватных методов в исследовании социальной идентичности остается открытой.

В социологической практике отечественных исследователей для получения «неоднородных» понятий или суждений об определенных объектах реальности, как правило, используются проективные методы, в частности метод «неоконченных предложений», либо открытые вопросы, с помощью которых можно получить вербально выраженные формулировки респондентов. Например, одна из первых попыток применения «метода неоконченных предложений» сделана В.Б. Ольшанским и его коллегами в 1980–1983 гг., которые использовали предложения и вопросы для выявления социальных ожиданий, «касающиеся главной жизненной проблемы, периодически возникающих проблем и повседневных проблем» людей [1, с. 86]. С.Г. Климова, занимаясь изучением групповых идентичностей по указанному методу, использовала фразу: «Люди в нашем городе делятся на...» для получения «конкретных примеров категоризации общества, т.е. выделения в нем групп, отличных друг от друга или противопоставленных друг другу» [2, с. 106]. Г.Г. Татарова и А.В. Бурлов в своей работе [3] также применяли метод НП для выявления личностных значений, «которые вкладывают люди в понятие “культурный человек”» [3, с. 7]. В исследовании социальной идентичности под руководством В.А. Ядова [4] в полуформализованном опроснике использовались два центральных открытых вопроса, направленные на получение номинаций социальной идентичности, и два периферических вопроса, поясняющие названные понятия.

Основным преимуществом такого рода методов является то, что они дают возможность применять номинальные высказывания и суждения респондентов о заданных объектах. Такое обращение к субъективным категориям опрашиваемых в дальнейшем позволяет привести их к научной систематизации.

Методологические границы исследования

Существенная черта данной работы – это ее **методический характер**, что указывает как минимум на два направления работы и решения соответствующего круга задач.

Во-первых, основная направленность, которую задает нам такой фокус исследования, сводится к процедуре построения классификации и разработке принципов отнесения исходных конструктов групповой идентичности к тем или иным выделенным категориям.

Во-вторых, указанная процедура позволяет провести последующую эмпирическую апробацию классификации, т.е. сравнивать:

- стратегии конструирования МЫ и ОНИ идентичностей;
- стратегии конструирования идентичностей, характерные для разных социальных групп.

Тем самым мы постулируем единство семантического пространства идентификаций МЫ и ОНИ (идентификационного пространства). Такое единство как раз и дает почву для сравнения и дифференциации стратегий конструирования МЫ-идентичностей и стратегий конструирования ОНИ-идентичностей.

В рамках проекта по «Изучению ориентации российских граждан разного общественного положения в социальном пространстве “Своих” и “Не своих” групп и общностей», который осуществлялся коллективом отечественных исследователей под руководством В.А. Ядова на протяжении 1999–2002 гг., была получена совокупность идентификационных номинаций (общей сложностью 374 понятия, 187 номинаций МЫ и 187 – ОНИ), т.е. ответов респондентов на первые два вопроса базовой методики:

1. На протяжении жизни мы встречаем разных людей. С одними мы легко находим общий язык, чувствуем близость. Они нам понятны, иные же всегда остаются чужими, даже если мы их хорошо знаем. Итак, есть люди, о которых мы можем сказать: «ЭТО – МЫ». Если говорить о Вас лично, о ком Вы могли бы сказать: «ЭТО – МЫ»?

2. Только что мы говорили о людях, о которых можно сказать «ЭТО – МЫ». А кто для Вас люди, к числу которых Вы себя не относите, о ком Вы могли бы сказать: «ЭТО – ДРУГИЕ, НЕ МЫ» или «ЭТО – ОНИ». Назовите таких.

Были опрошены представители различных социальных групп: пенсионеры, учителя в Нижнем Новгороде, милиционеры и учащиеся колледжа в Москве, вынужденные переселенцы в Краснодаре. Полученные в ходе указанного исследования парные МЫ-ОНИ номинации послужили основой для разработки и последующей апробации классификации.

Процедура построения категориальной сетки конструкторов социальной идентичности

Первый этап: построение первичных категорий

Классификация в данной работе представляет собой процесс разбиения эмпирических номинаций групповой идентичности по классам, результатом которого является система обобщающих категорий, устойчивость которых находится путем многократного перебора понятий. При этом для построения классификации мы использовали логико-семантический подход, т.е. исходили из семантических ресурсов самих идентификационных номинаций.

Процедура формирования классификации потребовала обозначения ее основных аналитических элементов. Во-первых, это **непосредственно понятия (номинации)** групповой идентичности, полученные эмпирическим путем, которые представляют

собой так называемые «концептуальные ярлыки», т.е. слова как таковые, субъективный смысл которых практически невозможен для анализа¹. Во-вторых, теоретическое расчленение понятий или компонентный анализ лексического значения слов [5, с. 109–117] позволил апеллировать к «семам» [см. там же], т.е. элементарным единицам, которые фиксируют совокупность определенных семантических признаков или значений понятий.

Первоначально работа с номинациями проходила в логике триангуляции, т.е. коллективной работы над классификацией понятий. Термин «триангуляция» заимствован из геодезии и обозначает способ определения геодезических пунктов путем установления на местности треугольника из геодезических приборов. Это повышает точность расчетов. В социологии термин обозначает множественность интерпретаций одного и того же случая или фрагмента исследования. Триангуляция осуществляется посредством сопоставления мнений разных исследователей относительно чего-либо и с помощью сравнения их интерпретаций под углом зрения разных теоретико-методологических перспектив, а также при сопоставлении результатов с данными другого исследования [3].

Здесь работа происходила исключительно над имеющимся набором слов, которые группировались различными людьми независимо друг от друга в категории, если обладали **сходным, синонимичным названием**. Например, совокупность таких понятий, как *семья, родственники, родные, родители*, по сути, представляет собой категорию, основанную на кровном родстве и обозначенную как «кровь», или же такие понятия, как *власть, властимущие, властные* – соответственно относились в категорию «власть», т.е. здесь значимой становилась качественная однородность самих понятий, которая являлась очевидной для участ-

¹ Несмотря на то, что в опроснике существуют пояснения респондентов к артикулируемым понятиям идентичности, апелляция к этим пояснениям не дает расширенного толкования слов и выявления интерпретативных возможностей.

ников триангуляции. Далее для понятий, качественная однородность которых носит скрытый характер, таких как *коллеги по работе, сотрудники завода им. Седина, учителя, знакомые по специфике производства, водители грузовых автомобилей, волонтеры, директора, домохозяйки, интеллигенты, администрация, алкоголики, бандиты, бизнесмены, военные, враги-конкуренты, менты* выделялась **общая смысловая направленность, которая может отражать, например**, занятость людей в определенных профессиональных структурах, и, соответственно, по этому признаку такого рода номинации объединялись в категорию «общность занятия». Или же такой пример, идентификационные номинации респондентов: *рабочий класс, интеллигенция, служащие, крестьяне, новые русские, пенсионеры, предприниматели, бандиты, домохозяйки, студенты, ученики и т.д.* логично было отнести в категорию «по положению в социальной структуре», так как именно эта категория отражает процесс социальной идентификации в терминах классовой или стратификационной перспективы и т.д.

Так как мы акцентировали внимание на социологическом, а не на лингвистическом анализе понятий, то значимой операцией становилось совместное нахождение и **определение схожего социокультурного контекста**, в котором могли бы размещаться различные по своему значению понятия. Например, *обиженные своими люди, беженцы, беженцы из Грозного, безработные, вынужденные мигранты, переселенцы, русские из Грозного, безработные, бомжи, заключенные* – на первый взгляд представляют собой различные в лексическом значении слова, но указанные группы располагаются в континуальном пространстве, которому участники триангуляции условно дали название «общности судьбы», так как членство в представленных группах обуславливается либо предписанной (*семья, русские, кавказцы*), либо вынужденной (*безработные, переселенцы*) необходимостью находиться в результате каких-либо жизненных обстоятельств вместе.

Далее для подтверждения правомерности выделения тех или иных категорий в ходе триангуляции мы использовали принципы компонентного анализа лексического значения слов и руководствовались двумя принципами:

1. Поскольку мы проводили не лингвистический, а социологический анализ данных, то старались формировать классификатор из тех понятий, которым более или менее соответствуют социологические категории, ставшие общепотребимыми, либо легко извлекаемые из известных теоретических конструкций. Поэтому каждая элементарная категория кодификатора является минимальной единицей «социологического» значения, т.е. «социологической семьей». В нашем случае мы будем считать, что совокупный текст социологической теории (в концентрированной форме выраженной в специальных терминологических словарях) содержит все важные для социологического анализа элементарные значения (семьи).

2. Каждая номинация идентичности может содержать несколько сем, это демонстрируется следующей формулой:

$$P_{(\text{понятие})} \rightarrow C_{n+1(\text{сема})},$$

где $n+1$ – **возможное число значений (признаков) понятия**. Так как одно понятие может содержать одну сему и более, то оно может относиться сразу к нескольким категориям.

Например, в номинации семья можно выделить не менее четырех сем, каждая из которых имеет солидный потенциал для социологических интерпретаций:

- первичная, малая группа;
- общность по крови и/или брак;
- общность по месту проживания;
- общность хозяйства.

Следовательно, указанное понятие фиксировалось на основании всех выделенных значений и соответственно могло относиться сразу к нескольким категориям, т.е. к категории *по размеру группы, родство, место*. Подобная процедура была опи-

сана Д. Сандерсоном, который в предлагаемой им классификации различного рода групп указывал на то, что «схожие группы могли быть расположены в том или ином делении классификации в зависимости от того, какие характеристики (или содержательные элементы) этих групп рассматривались как более значимые» [6, р. 197].

Выделение «социологических сем» – элементарных значений – основывалось на теоретических интерпретациях идентификационных понятий, нашедших свою детальную проработку в «канонических текстах» [7]. В качестве таковых в первую очередь выступили энциклопедические, социологические, толковые словари, учебники по социологии и социальной психологии, а также работы и статьи различных как отечественных, так и зарубежных авторов, традиционно относимых к классическим. Привлечение большего числа канонических текстов позволяло не выдумывать самостоятельные значения имеющихся понятий, но оперировать устоявшимися в научном и энциклопедическом аппарате интерпретациями.

При кодировании данных исследования мы старались учесть все вероятные смыслы употребленных слов и относить каждый конструкт к максимально возможному числу первичных категорий (см. табл. 1).

Второй этап: «укрупнение» первичных категорий

Этот этап работы над классификацией в данной статье отражен не полностью. В ходе интерпретации выделенных категорий на базе «канонических» текстов обнаружилось, что они могут являться основаниями различного рода «общностей», т.е. отражать совокупность определенного рода параметров различных типов «социальной связанности» индивидов между собой. Данное наблюдение предполагало дальнейший поиск и теоретическое фундирование атрибутов социальной связи, так как стала очевидной необходимость перевода «социологических сем» в теоретические концепты, а следовательно, переход от классификации, «нося-

щей чисто эмпирический характер», к «типологии, основанной на признаках, которые представляют продукт специального концептуального анализа» [8, с. 243]. Как указывает В.С. Швырев, «признаки, которые служат основанием типологии, вырабатываются в результате теоретического анализа и представляют своего рода “конструкт”, то есть, безусловный признак теоретического знания» [см. там же]. Такое объяснение различия между первичным построением классификации и последующей разработкой типологии убедило нас обратиться к созданной ранее в классической и современной социологической теории системе признаков, описывающих различные типы социальной связи или отношений.

Говоря именно о социальной идентичности, подразумеваются не только определенные группы, с которыми соотносит себя индивид или которым противопоставляет себя, но речь идет и о пространстве межгрупповых отношений, отражающих определенную систему мировосприятия и поведения. «Укрупнение» первичных категорий (см. табл. 1) привело к парадоксальному заключению: так следующие выделенные классы понятий – *кровь, место, дружба, судьба, религия, единомыслие, пол, возраст* – можно было объединить в так называемый **Gemeinschaft-ный** тип конструирования социальных отношений по Ф. Теннису [9], который отличает в первую очередь кровнородственную связь, совместность и близость проживания, непосредственность контакта индивидов друг с другом, эмоциональность отношений, общность взглядов, традиций и т.д. Тогда соответствующие категории – *установка, положение в социальной структуре, власть, доход, занятие, образование* – представили **Gesellschaft-ный** тип, характеризуемый участием в разветвленном с современным мире разделении труда, принадлежностью к социально-профессиональным группам, опосредованностью контакта и т.д.¹ Был выделен также допол-

¹ Как указывает Джеймс Кристенсон, Теннис описывает два различных типа социального взаимодействия, которые по сути различаются между собой, но все еще

нительный третий тип социальных отношений, который получил название **Post-Gesellschaft-ный**: сюда вошли *время, депривированность/ущербность, нормативность, оценка*. Данный тип характеризуется размытостью отличительных критериев, но его можно определить как достаточно условное положение в структуре общества, гибкое (гибкое) представление о норме, опора на собственные силы, ситуативность контактов индивидов друг с другом.

Каждая типологическая форма из вводимой триады является пространством семантических признаков групповой идентичности, т.е., используя принятые в научном дискурсе модели социальных отношений, мы тем самым получаем расширенное представление о значении первичных, названных респондентами конструктах.

Полисемантический кодификатор

Мы предлагаем вариант полисемантического кодификатора, т.е. совокупности различного рода социолингвистических категорий, который используется для анализа распределений номинаций групповой идентичности. Ясно, что предлагаемая сетка понятий для описания структурных, динамических и содержательных компонент групповой идентификации не представляется исчерпывающей. Она может быть дополнена, расширена и конкретизирована при анализе других подвыборок и массивов данных (см. табл. 1).

В результате перекрестного распределения первичных номинаций в классификации подтвердилась гипотеза об универсальном делении групп, к которым апеллируют индивиды: по размеру – малые, контактные/большие группы, согласно принятому в соци-

существуют друг с другом [10, р. 161]. Несмотря на то, что вводимые немецким социологом конструкции представляют собой идеальные типические модели, которые отражают различные способы организации жизни людей, Теннис для описания этих типов привлекает категории из реальной эмпирии.

альной психологии подходу. Соответствующим образом, все номинации можно было отнести либо к малым, либо к большим группам. Наиболее репрезентативными категориями социальной идентичности, к которым апеллировали индивиды, оказались следующие: по занятию – 41,4%; по положению в социальной структуре – 25,5%; депривированность/ущербность – 23,3%; по месту – 22,7%.

Рассмотрим выявленные репрезентативные категории в двух уровнях: 1) через содержательное определение самой категории и 2) с точки зрения количественной представленности этой категории в идентификационном пространстве МЫ-ОНИ понятий.

1. К категории «размер группы» оказалось возможным отнести все 374 номинации. Различение больших и малых, реальных, социально-психологических групп важно, конечно, не само по себе, а потому, что с ним связаны различия во внутри- и межгрупповых отношениях. Эти различия передаются, в том числе, в часто употребляемых категориях социальных (например, *рабочий класс, пенсионеры, учителя и т.д*) и межличностных отношений (например, *мои друзья, семья, коллеги по работе и т.д.*).

Анализируя данные интервью, мы посчитали целесообразным различать еще и качество: респондент может мыслить (конструировать) группу как «единство» (например, *банда, круг общины, коллектив, мое окружение и т.д.*) и как «коллективную совместность» (например, *интеллигенция, администрация, российский народ и т.д.*), как единый организм и как группу в собственном смысле этого слова.

Таким образом, в категории «размер и качество группы» различаются:

- 1) малая контактная группа;
- 2) малый организм;
- 3) большая группа;
- 4) большой организм.

Таблица 1

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЫ–ОНИ

Категории классификатора	Номинальные понятия мы-они идентичностей, использованные респондентами	N	%
Размер группы	<i>Друзья (20)¹, знакомые по специфике производства, коллеги (4), люди мне симпатичные, люди, живущие в общежитии, одноклассники, подруги, работники, родители, родные, сверстники, семья (24), сослуживцы, азербайджанцы, бедные(3), беженцы (4), безработные, верующие, враги (2), знакомые (7), пенсионеры (7), богатые (7), иностранцы (3) и т.д.</i>	374	100,0
Множество/единство	<i>Интеллигенция (7), начальство, коллектив, круг общения, «банда», все, что вокруг меня, друзья, рабочий коллектив, единомышленники, рабочий класс (4), власть (3) и т.д.</i>	374	100,0
<i>Gemeinschaft-ный тип конструирования</i>			
Кровь	<i>Родители, родные, родственники, семья, члены семьи, азербайджанцы, армяне, народ, нация, русские</i>	49	13,1
Место	<i>Люди, живущие в общежитии, семья, соседи, беженцы из Грозного, граждане, жители России, вынужденные мигранты, переселенцы</i>	85	22,7
Дружба	<i>«Банда», друзья, подруги, знакомые, круг общения</i>	52	13,9
Судьба	<i>Обиженные своими люди, беженцы (3), беженцы из Грозного, безработные, вынужденные мигранты, переселенцы, русские из Грозного, безработные, бомжи (2), заключенные</i>	13	*
Религия	<i>Верующие, истинные христиане, мусульмане, религиозные фанатики, сектанты, неверующие</i>	6	*
Единомыслие/установка	<i>Единомышленники, патриоты, стремящиеся к одной цели, высокомерные, идущие по головам</i>	12	*
Возраст	<i>Домохозяйки, женщины, подруги, жены новых русских</i>	12	*
Пол	<i>Коллеги моего поколения, люди 70–80-х, молодые пенсионеры, сверстники, свое поколение, наше старшее поколение</i>	4	*

<i>Gesellschaft-ный тип конструирования</i>			
Положение в соцструктуре	<i>Рабочий класс, интеллигенция, служащие, бизнесмены, новые русские, олигархи, предприниматели, торгаша-перекупщики, безработные, пенсионеры, домохозяйки, студенты, ученики, алкоголики, бандиты, безработные, бомжи</i>	95	25,5
Доступ к власти	<i>Директора, начальство, администрация, богатые и властные, власть, властьдержжщие</i>	30	*
Достаток	<i>Бедные, люди среднего достатка, богатые, богатые и властные, имущие, люди высокого достатка</i>	17	*
Занятие	<i>Знакомые по специфике производства, коллеги, водители грузовых автомобилей, волонтеры, директора, домохозяйки, интеллигенты, администрация, алкоголики, бандиты, бизнесмены, военные, враги-конкуренты, менты</i>	155	41,4
Образование	<i>Высокообразованная интеллигенция, люди, имеющие высшее образование, грамотные славяне</i>	5	*
Гражданство	<i>Граждане России, российский народ, Россия, россияне</i>	8	*
<i>Post-Gesellschaft-ный тип конструирования</i>			
Время	<i>Люди 70–80-х, свое поколение, наше старшее поколение, бывшие судостроители, жены новых русских, люди новой системы</i>	14	*
Депривированность	<i>Директора, бедные, беженцы, богатые и властные, нувориши, олигархи, политиканы, политики, правительство, предприниматели, больные люди, бомжи, деградирующие по собственному желанию</i>	87	23,3
Нормативность	<i>Обычные люди, обычные пенсионеры, алкоголики, бандиты, бомжи, девианты</i>	33	*
Оценка	<i>Добрые люди, люди мне симпатичные, высокомерные, жлобы</i>	14	*

¹ В скобках указано количество упоминаний.

* – меньше 10%.

В «организмическом» конструировании на первый план выходит единство, поглощающее всякую множественность. «Организмическая» связь индивидов друг с другом подразумевает полную взаимообусловленность индивидов и некоторое общее восприятие реальности. В качестве такого организма *семья* ближе всего стоит к «организмическому единству» – *Gemeinschaft*. Если признать правомочность выделения *Gemeinschaft-ного (традиционного)* и *Gesellschaft-ного (современного)* типа конструирования социальной связанности, то номинации по типу «большой организм», например «*рабочий коллектив*», «*мое окружение*», представляют собой случаи, где общность, характерная для «большого общества», конструируется по типу традиционного.

Малую группу и малый организм можно объединить в так называемые общности малого круга, который а) формируется на основе «теплых», эмоциональных, неформальных, свойских, межличностных отношений; б) является реальной, осязаемой общностью, где единение интенсифицируется в процессе отделения себя от остального мира, а также путем укрепления внутренних связей. Большую группу и большой организм можно объединить в «большой круг», который а) основывается на «деловых», опосредованных, непрямых ролевых отношениях, регулируемых формальными нормами; взаимодействие в этих группах носит эмоционально нейтральный, отчужденный характер; б) связь внутри этого круга взаимодействий существует только в личностных конструкциях.

В целом (табл. 2) понятия «большого круга» использовались в 2 раза чаще (67%), чем понятия «малого круга» (33%): 2/3 номинаций соответствуют осмыслению идентификационного пространства в ключе социальных, т.е. *большая группа, большой организм* и 1/3 – в ключе межличностных отношений – *малая группа, малый организм*.

1) МЫ-группы, по-видимому, чаще, чем группы ОНИ, описываются в терминах межличностных отношений, т.е. прибегают к понятиям малого круга. Практически не применялись номинации «малых групп» для описания «чужих».

Таблица 2

КАТЕГОРИЯ «РАЗМЕР ГРУППЫ» В ИДЕНТИФИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЫ-ОНИ
ПОЛОВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, %

Размер и тип группы	Всего	Мы	Они	Мужчины	Жен- щины	15-30 лет	31-45 лет	От 46 лет
Малая группа	21,9	25,7	18,2	25,0	19,5	25,0	25,4	15,8
Малый организм	11,0	19,3	2,7	13,4	9,0	13,6	13,8	6,8
Большая группа	55,6	43,9	67,4	50,0	60,0	54,5	48,6	63,7
Большой организм	11,5	11,2	11,8	11,6	11,4	6,8	12,3	13,7
Абсолютное число	374	187	187	82	105	44	69	73
% использовавших категорию	100	100	100	100	100	100	100	100

2) Женщины чаще, чем мужчины, конструируют идентификационное пространство в понятиях больших групп и реже – в терминах малых. Женщины активнее включены в большое общество. Мужчины чаще прибегают к организмической терминологии при конструировании МЫ (37 против 26%) и наравне с женщинами – при конструировании ОНИ (13 и 15%). Можно предположить, что мужчины чаще, чем женщины, придерживаются такой модели МЫ, которая требует большей сплоченности и подчинения «руководителю» за счет меньшей автономии.

3) Заслуживает проверки гипотеза о том, что с возрастом человек менее склонен идентифицировать себя с малыми группами, предпочитая мыслить понятиями больших общностей.

4) В трех случаях из четырех (77%) МЫ и ОНИ представляются как множества индивидов в противоположность нерасчлененному единству. МЫ чаще, чем ОНИ (45 против 22%), конструируются в терминах «малого круга»; соответственно ОНИ чаще, чем МЫ (78 против 55%), представляются в смысле большой общности.

Возникает гипотеза о преобладании трех из четырех возможных вариантов противопоставления МЫ-ОНИ в категоризации «размер группы»:

МЫ малая группа по сравнению с ОНИ малая группа.

МЫ малая группа по сравнению с ОНИ большая группа.

МЫ большая группа по сравнению с ОНИ большая группа.

В первом случае горизонт жизненного мира ограничивается кругом повседневных контактов. Во втором случае малая общность противостоит большой общности, а значит «свое» или «освоенное» социальное пространство имеет относительно малый объем и ограничено «чужим» пространством. Все три варианта в принципе соответствуют такому состоянию нестабильного, трансформирующегося общества, в котором не видно доминирующей силы и никто не мыслит противостоящую «не свою», «чужую» группу в образе хорошо устроенной локализованной малой общности. Иначе говоря, не следует ожидать противопоставления «МЫ большая группа по сравнению с ОНИ малая группа».

2. Категория «общности занятия» по частоте употребления заняла второе место после категории «размер группы»: всего 155 номинаций МЫ и ОНИ-идентичностей.

Данная категория также связана с профессиональным разделением труда в современном обществе. Здесь так же уместно различение малых и больших групп.

1) Малая общность по занятию складывается в процессе решения определенных профессиональных задач. Участие индивидов в такой группе зависит от эффективности каждого и группы в целом, от баланса интересов индивидов и группы. Нарушение баланса ведет группу к распаду или обновлению членства.

2) Большая профессиональная общность становится возможной благодаря осознанию общности интересов в отношениях «рационального обмена», «где такого рода отношения становятся средством, с помощью которого индивиды достигают своих целей, просчитывая соотношение затрат и выгод для достижения желаемого результата». Как правило, реальная общность такого рода носит характер «добровольной ассоциации», которая предполагает достижение общих целей группы (конкретных и ограниченных) и использование похожих методов и средств.

3) Идентичность *безработные* можно трактовать как отсутствие признака занятости, а также невключенность в институционализированную систему разделения труда.

Обращаясь к половозрастному составу групп, мы не можем утверждать о каких-то существенных различиях между ними. От 37 до 46% представителей всех половозрастных групп конструировали МЫ и ОНИ-идентичности при помощи понятий «общность занятия». Из указанных возрастных групп категория лиц от 15 до 30 лет вообще не использовала обозначенную семантическую категорию «отсутствие занятия». Во всех группах численно доминирует идентификация через номинации большого круга, отражающие профессиональную принадлежность.

Таблица 3

КАТЕГОРИЯ «ОБЩНОСТЬ ЗАНЯТИЯ» В ОБЩЕМ ИДЕНТИФИКАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛОВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, %

	Всего	Мы	Они	Муж- чины	Жен- щины	15-30 лет	31-45 лет	От 46 лет
Малый круг (коллеги и др.)	24,5	29,4	18,6	28,5	21,2	21,3	26,5	22,8
Большой круг (профессии)	64,5	58,8	71,4	63,0	65,9	78,7	64,0	57,9
Не имеющие занятия	11,0	11,8	10,0	8,6	12,8	0,0	9,3	19,2
% в общем массиве	41,4	45,5	37,4	43,2	40,5	37,5	46,4	39,0

Таблица 4

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ОБЩНОСТЬ ЗАНЯТИЯ» ГРУППАМИ РЕСПОНДЕНТОВ, %

Группы респондентов	Малый круг			Большой круг			Без занятия		
	Мы	Они	Все	Мы	Они	Все	Мы	Они	Все
Учителя	18,8	8,3	14,3	81,3	75,0	78,6		16,7	7,1
Мигранты Краснодар	22,2	6,3	16,3	74,1	87,5	79,1	3,7	6,3	4,7
Мигранты побережья	42,9		23,1	57,1	83,3	69,2		16,7	7,7
Пенсионеры	10,0	50,0	27,8		37,5	16,7	90,0	12,5	55,6
Школьники	37,5	33,3	35,3	62,5	66,7	64,7			0,0
Милиционеры	60,0	30,8	43,5	40,0	61,5	52,2		7,7	4,3
В среднем	29,4	18,6	24,5	58,8	71,4	64,5	11,8	10,0	11,0

Сравнение между МЫ и ОНИ-идентичностями должно показать, что понятия малого круга используются чаще при конструировании МЫ, а большого – при конструировании ОНИ.

При конструировании МЫ женщины чаще, чем мужчины, применяют понятия, относящиеся к профессии, и реже понятия малого круга; в конструировании ОНИ различия несущественны.

Повышенный процент МЫ-идентичностей, как не имеющих занятия в старшей группе, сложился за счет (группы) пенсионеров. Можно предположить, что МЫ у людей среднего возраста – укрытие в кругу коллег (26,5%).

Социальные группы респондентов, использовавших категорию «общность занятий», придерживались различных стратегий конструирования своей идентичности.

В целом респонденты, конструирующие идентификационное пространство по общности занятия, в 2 раза чаще используют понятия социальных отношений в рамках соответствующих профессий в «современном» обществе. Такое предпочтение характерно для 4 из 6 представленных групп. Исключение составляют пенсионеры, среди которых ведущим является «отсутствие признака», т.е. занятости, и милиционеры, которые, по сравнению с другими группами, оказываются «закрытой общностью». Не исключено, что имеется сильное внутриведомственное соперничество в системе МВД, которое может мешать профессиональной солидаризации. Хотя деятельность милиции непосредственно подчинена социальным функциям, только 2/3 из подвыборки милиционеров, как и школьников, противопоставляют себя группам общественного масштаба, таким как *девианты, маргиналы, криминальные элементы, люди, безразличные и т.д.*

«Включенность» вынужденных переселенцев в пространство социально-профессиональной структуры свидетельствует о том, что, несмотря на маргинальность и малоресурсность, у отождествляющих себя с профессиональными группами (в сознании) нет жесткого дистанцирования от «большого общества» и замыкания

(только лишь) на малых группах, они предпочитают конструировать МЫ-ОНИ пространство по логике разделения труда.

При конструировании образа МЫ пенсионеры, учителя и мигранты, проживающие в г. Краснодаре, реже других использовали понятия малого круга – большинство представителей этих групп определили себя в номинациях «большого общества». Больше всех сконцентрированы на контактных группах милиционеры.

«Не своих» через понятия *малого круга* чаще определяли пенсионеры, школьники и милиционеры. Ясно, что пенсионеры и школьники исключены из активных трудовых взаимосвязей, а потому реальные конкурентные отношения могут ограничиваться пространством повседневных, прямых контактов.

3. К категории «*место в социальной структуре*» было отнесено 95 номинаций МЫ и ОНИ-идентичностей. Здесь эмпирически обнаруживаются две логики конструирования указанной категории: а) респонденты могут мыслить позицию в социальной структуре согласно сталинской «трехчленки» (два класса и прослойка интеллигенции), б) либо в соответствии с принятым современным («демократическим») вертикальным делением общества по социальным слоям.

До половины номинаций, отнесенных к данной категории, обозначают маргиналов, не входящих в социальную структуру, включая школьников и пенсионеров, а безработные и бомжи – подлинно маргиналы – вообще выброшены за пределы институциональных структур. В общем смысловом пространстве данной категории более или менее отчетливо выделяются четыре социальные группы: маргиналы, представители новых, т.е. связанных с рыночной экономикой профессий, интеллигенция и рабочие.

Наблюдаются следующие тенденции:

1) Женщины чаще мужчин идентифицируют себя или других как интеллигенцию и занятых «новыми профессиями».

2) Мужчины чаще женщин упоминают маргиналов и рабочий класс.

Таблица 5

КАТЕГОРИЯ «МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ» В ОБЩЕМ СМЫСЛОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛОВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, %

Подкатегории	Мужчины	Женщины	15-30 лет	31-45 лет	От 46 лет	% по строке
Маргиналы	53,7	44,9	57,1	50,0	43,2	48,9
Интеллигенция	12,2	22,4	9,5	25,0	16,2	17,8
Рабочие	17,1	10,2	4,8	12,5	18,9	13,3
Новые занятия: бизнес и торговля, новые русские	17,1	22,4	28,6	12,5	21,6	20,0

Таблица 6

ПОДКАТЕГОРИИ «МЕСТА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ»
В ПРОСТРАНСТВАХ МЫ И ОНИ-ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛОВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, %

Подкатегории подпространства	Мужчины		Женщины		15-30 лет		31-45 лет		Старше 45 лет		Все	
	МЫ	ОНИ	МЫ	ОНИ	МЫ	ОНИ	МЫ	ОНИ	МЫ	ОНИ	МЫ	ОНИ
Маргиналы	31,3	63,0	38,5	46,2	62,5	53,8	8,3	68,2	40,9	38,9	35,7	54,7
Интеллигенция	25,0	3,7	42,3	0,0	25,0	0,0	58,3	4,5	27,3	0,0	35,7	1,9
Рабочие	43,8	0,0	19,2	0,0	12,5	0,0	33,3	0,0	31,8	0,0	28,6	0,0
Новые занятия	0,0	25,9	0,0	42,3	0,0	46,2	0,0	18,2	0,0	44,4	0,0	34,0

3) С возрастом реже употребляют подкатегорию «вне структуры».

4) Идентичности «интеллигенция» и «рабочий класс» используются преимущественно лицами старшего возраста.

5) Идентичности в номинации «новых профессий» применяются преимущественно молодыми.

6) Идентичность «рабочий класс» наиболее популярна у людей старшей возрастной группы.

7) Идентичность «интеллигенция» наиболее популярна у людей средней возрастной группы.

8) «Женская» стратегия конструирования идентификационного пространства по социоструктурным параметрам более «современна».

Стратегии конструирования МЫ и ОНИ-идентичностей в (терминах) категории «место в социальной структуре» несимметричны: МЫ-идентичность конструируется в понятиях «маргиналы», «интеллигенция» и «рабочий класс», а ОНИ-идентичности – это преимущественно «маргиналы» и «новые профессии».

Оказывается несостоятельной гипотеза о большей «современности» женских идентификаций по сравнению с мужскими. Мужчины чаще, чем женщины, противопоставляют себя маргинальным группам. Относительно высокая доля маргинальной МЫ-идентичности объясняется присутствием в массиве возрастных групп пенсионеров и школьников. Среди мужчин больше оказалось «синих воротничков», а среди женщин – «белых». Мужчины реже, чем женщины, противопоставляли себя «новым профессиям», и по этому показателю данная группа ближе к средней возрастной, т.е. наиболее социально активной, группе. Именно эта категория респондентов чаще всех противопоставляет себя маргиналам и лицам «новых профессий». Здесь около 60% отождествили себя с работниками умственного труда.

Следует заметить, что, говоря о «новых профессиях», мы вносим в категорию социальной структуры временной параметр. Последовательное его использование может потребовать систематического различения «старых» и «новых» профессий, функций и мест в социальной структуре.

4. Четвертой по частоте употреблений (85 номинаций) оказалась категория «*общности места*». Здесь были выделены три подкатегории, по которым фиксировались номинации респондентов: «*отсутствие места*», «*место жительства*», «*место работы*».

Категория «*место жительства*» употреблялась в два раза чаще для описания МЫ-ОНИ пространства, чем подкатегория «*место работы*». Далее пространство «своей» общности (34,8%) практически в три раза чаще описывалось в номинациях «места», чем пространство «не своих» (10,2%) (табл. 7). Ввиду малочисленности ОНИ-идентификаций мы будем рассматривать только МЫ-идентичности.

Представители среднего возраста (31–45 лет) чаще других (39,3%) склонны описывать МЫ как группу *сослуживцев* или *коллег по работе*. Нам представляется возможным проверить на большом массиве гипотезу о том, что привязанность к территории начинает убывать при вступлении индивида в пору вторичной, т.е. профессиональной, социализации, а затем вновь начинает усиливаться при выпадении из «большого общества», например, с выходом на пенсию, а может быть и в результате иных жизненно важных событий. Такое «выпадение» происходит не одномоментно, а может растягиваться на долгие годы и сопровождаться постепенным снижением социальной активности.

Милиционеры при конструировании МЫ-идентичности примерно в два раза чаще, чем другие группы, использовали подкатегорию «*место работы*» (42,9%), за ними идут учителя (37,3%), в то время как пенсионеры (87,5%) и мигранты побережья (77,8%) чаще других групп применяют понятия «*места жительства*». Можно сформулировать следующие гипотезы:

1) Милиционеры воспринимают свою службу не столько как общественную *функцию*, сколько как *место* в социальном пространстве.

2) Среди «государственных людей» (милиционеры и учителя) распространено восприятие своего занятия не столько как общественной *функции*, но скорее как *места* в социальном пространстве.

Привязанность к месту может быть показателем субъективно переживаемой малоресурсности, либо намеренной «закрытости» от большого общества.

5. Далее следует категория «*депривированности/успеха*» с 87 номинациями, большая часть из которых (73 понятия) употреблено при конструировании ОНИ-идентичностей.

Данная категория связана с сокращением или увеличением возможностей удовлетворения основных, жизненных потребностей, повышения или понижения социального статуса, материального положения. Она также является референтом, отражающим а) позицию центральности или периферийности по отношению к некоторому «среднему» статусу и б) наличие социального ресурса, который П. Бурдье связывает с полем властного влияния субъекта. В этой категории мы различаем:

1) *имеющих преимущества*, тех, кого можно считать успешными по любому социально значимому параметру;

2) *депривированных*, кого можно считать малоресурсными по любому социально значимому параметру.

Такое конструирование групповых идентичностей содержит явное социальное сравнение. Респонденты идентифицируют себя от противного, отталкиваясь от распознавания прежде всего «не своих». Например, если ОНИ – *богатые*, то МЫ, *переселенцы*, лишены материального достатка.

Пенсионеры (100%), мигранты, проживающие на побережье (66,7%) и в Краснодаре (64,9%), чаще других противопоставляют себя более успешным (*бизнесменам, новым русским, властям, элите*); милиционеры (87,5%) выбирают себе для противопоставления «нормативно-депривированных» (*бандитов, преступников, бомжей*). Для первых, по-видимому, значимым в определении ОНИ является параметр материального благополучия, которого не достает «своим» группам, в то время как для вторых пространство «чужих» мыслится как «социально негативное» и общественно опасное.

Таблица 7

КАТЕГОРИЯ «ОБЩНОСТЬ МЕСТА» В ПРОСТРАНСТВАХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, %

Возрастные группы	15–30 лет	31–45 лет	От 46 лет	15–30 лет	31–45 лет	От 46 лет	Все	
	МЫ			ОНИ			МЫ	ОНИ
Не имеющие места				14,3				5,3
Место жительства	75,0	60,7	76,0	57,1	40,0	100,0	69,2	68,4
Место работы	25,0	39,3	24,0	28,6	60,0		30,8	26,3
% в общем массиве	26,7	40,6	34,2				34,8	10,2

Таблица 8

КАТЕГОРИЯ «ДЕПРИВИРОВАННОСТИ» В ИДЕНТИФИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОНИ, %

Группы респондентов	Доля в группе	Имеющие преимущества, %	Депривированные, %
Школьники	76,7	50,0	50,0
Мигранты Краснодара	46,4	92,3	7,7
Мигранты побережья	41,7	75,5	25,5
Милиционеры	33,3	12,5	87,5
Пенсионеры	16,0	100,0	
Учителя	7,1	52,2	47,8
В целом по массиву	39,0	69,9	30,1

Категорией «депривированности» в идентификационном пространстве ОНИ чаще других пользовались школьники (три четверти из общего числа). Если оценивать учителей как группу с самым «нормальным» социальным самочувствием по сравнению с другими группами (именно учителям более всех свойственно «социальное мышление»), то мигранты и милиционеры представляют сообщества «средней тревожности». Тогда можно предположить, что использование указанной категории при ОНИ-идентификации может быть показателем «социальной тревожности», поскольку школьники представляют собой определенную ступень социализации и соответственно находятся на грани перехода в иные социальные измерения, т.е. приобретения определенного социального статуса. Наши пенсионеры – группа стабильного социального статуса. Следовательно их «тревожность» скорее всего связана с бедностью и отсутствием перспективы.

Маргинальность мигрантов объяснения не требует. Объяснение маргинальности стражей порядка в трансформирующемся обществе также не вызывает особых трудностей. Частные гипотезы можно сформулировать следующим образом:

1) Мигранты побережья, использовавшие номинацию маргинальности, оценивают статус своей группы выше, чем статус «других».

2) Мигранты, проживающие в Краснодаре, и милиционеры, использовавшие терминологию маргинальности, более «тревожны», поскольку оценивают статус своей группы ниже, чем статус иных общностей.

3) Равное разделение школьников в оценках «не своих» групп подчеркивает неустойчивость их положения, которая имеет более глубокие (возраст и неопределенность будущего) основания, чем неустойчивость других социальных групп.

4) В процессе улучшения самочувствия в среде «своих» и соответственно понижения тревожности конструирование образа «иных» проходит следующие стадии: 1) оценка статуса своей груп-

пы ниже статуса других общностей, как это имеет место у милиционеров; 2) появление противоположных оценок, как у школьников; 3) доминирование более высокой оценки статуса «своей» группы по сравнению со статусом «не своих» (мигранты на побережье) и, наконец, отказ от использования категории «депривированности» при конструировании образа иных общностей.

Мы заключаем «тревожность» в кавычки, чтобы подчеркнуть: это – рабочий термин и его содержательное наполнение возможно при дополнительном анализе данных пилотажа и в полномасштабном исследовании.

Работа над построением классификации – это всего лишь аналитически необходимая процедура для дальнейшей интерпретации эмпирических данных. Предлагаемая классификация конструктов групповой идентичности – это своего рода гипотетическая модель, которая позволяет получить представление о категоризации социального пространства индивидами. Работа в этом направлении позволяет сформулировать некоторые объективные категории, к которым чаще всего прибегают респонденты, отождествляя себя с теми или иными группами или общностями, а также обозначить те или иные стратегии конструирования МЫ-ОНИ пространства, которые преобладают в различных социальных группах, и различаются по социально-демографическим показателям. Обозначенные в результате количественного описания массива стратегии групповых идентификаций выявляют способы конструирования жизненного мира нашими современниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ольшанский В.Б.* Становление метода неоконченных предложений // Социология: методология, методы, математические модели. 1997. № 9. С. 82–97.
2. *Климова С.Г.* Ломка социальных идентичностей или «Мы» и «Они» вчера и сегодня // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 106–121.
3. *Бурлов А.В., Татарова Г.Г.* Метод неоконченных предложений в изучении образа «культурный человек» // Социология: методология, методы, математические модели. 1997. № 9. С. 5–31.

4. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности (Программа проекта) // Социальная идентификация личности. М.: Ин-т социологии РАН, 1993.

5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

6. Sanderson D. A Preliminary Group Classification Based on Structure // Social Forces. 1938. Vol. 17. Issue 2.

7. Батыгин Г.С. Содержание социально-гуманитарного образования в меняющемся мире: междисциплинарный подход (Материалы Южно-Российской научно-методической конференции 26-28 мая, Краснодар) / Под ред. А.Н. Кимберга, О.А. Оберемко. Краснодар: КубГУ, 2000.

8. Швырев В.С. Анализ научного познания. М., 1988.

9. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. С.-Пб.: «Владимир Даль», 2002.

10. Christenson J.A. Gemeinschaft and Gesellschaft: the Spatial and Communal Hypotheses // Social Forces. 1948. Vol. 63. Issue 1. P. 160–168.